

Родился 5 октября 1917 года в городе Орле. Весной 1938 года призван в ряды Красной Армии. Обучался в школе авиационных механиков. Служил механиком звена истребителей в 46-м истребительном полку. В его составе участвовал в освобождении Западной Украины. В дальнейшем этот полк базировался в 40 километрах от новой границы.

В первый же день войны полк понес большие потери и вскоре был направлен на переформирование в Мытищи Московской области. После переформирования истребители прикрывали в полетах бомбардировщики авиации дальнего действия.

В марте 1942 года многих механиков авиачастей направили учиться на механиков-водителей танков. В их число попал и Виктор Николаевич. В танковом полку резерва Главного командования механик-водитель Т-34 Щербakov участвовал в боях на Орловско-Курской дуге, в Корсунь-Шевченковской операции, воевал в Румынии, Польше, Германии, Чехословакии.

- Из многих боевых эпизодов, - вспоминает Виктор Николаевич, - особенно помню один. Это было на наступлении на Киев. На опушке лесной опушки заметили немецкие орудия, расчеты, потерявшие танки и пехоте. Не уставая, впереди командир, и вот теперь она на большой скорости ворвалась с фланга на огневые позиции, раздавил одно из орудий и часть расчета. Другие вражеские расчеты, видимо, растерялись и спрятались в окопы. А тут подоспели наши танкисты и вместе с артиллерией, сопровождающей пехотинцев, уничтожили остальные немецкие пушки. За этот бой я получил орден Красной Звезды.

В.Н.Щербakov награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими.

Демобилизовался Виктор Николаевич в ноябре 1945 года. Закончил партийную школу. Работал на партийных и хозяйственных должностях.

«БЕЖЕНКА ИЗ ЖИТОМИРА»

Ночная осенняя степь отстрелила радисток тишиной. В слабом лунном свете белела скирда соломки да маячили редкие огоньки украинского села. Дышалось легко и скирде даже не верилось, что всего несколько минут они покинули «Дуглас». Но долго раздумывать было некогда. Быстро закопался парашют, вылезли из грузового контейнера все необходимое для жизни в скирде.

Взрывен нору, они переоделись в крестьянскую одежду и, тесно прижавшись друг к другу, попытались заснуть. Пробираться ночью в село побоялись. Конечно, в крестьянской одежде их вряд ли бы кто узнал, но береженье, как говорится, бог бережет.

Валя уснула быстро, а Евдокия, как ни старалась, не смогла даже задремать. Сказывалось нервное напряжение - ведь это был ее первый прыжок в тыл врага. Пока легели во тьме, ох и страху же натерпелись!

Война застала **Евдокию ЩЕРБАКОВУ** в студенческой аудитории. Она сразу же пошла в военкомат и попросила направить в действующую армию. Ее послали в школу радистов, а через несколько месяцев учебы - на фронт.

Сполна познала Евдокия все, что выпало на долю бойцов Красной Армии на первом этапе войны. Потом пришло время нашему большому наступлению. Для радистки Щербаковой оно началось с освобождения Северного Кавказа, Кубанской земли, Новороссийска. И вот теперь она на занятой врагом украинской земле, в степи, под городом Николаев.

Чуть развиделось, девушки, оставив рацию и оружие в соломе, пошли в село Киселевка. Как и было заранее условлено, постучались в окошко крайней от поля хаты. Услышав пароль, пожилой селянин выскочил на крыльцо и, не давая разведчицам даже слова сказать, выпалил:

- В Николаев не ходите! Основные явки провалены. Там поголовные обыски и аресты. Что делать? Не знаю. А сейчас тикайте отсюда! Вот-вот каратели нагрянут.

Они вернулись к скирде, откопали рацию и вышли на связь с Москвой. Оттуда получили адреса новых явок и приказ слиться с Николаевским подпольем, которое из-за разгрома радиоточек очень нуждалась в связи.

- Тогда мы получили указание, - вспоминает Евдокия Николаевна Щербак, - войти в контакт с секретарем подпольного горкома партии Тихоном Максимовичем Морозовым и руководителем нашей группы Марьяном Людвиговичем Словачевским.

Узнала, что у поляков в Пасте... гитлеровский офицер. Но Марьян Людвигович предупредил, а Евдокию как свою родственницу, село Киселевку в Житомирской области, недалеко от Житомира, а наедине успокоил:

- Не переживай! Под одной крышей с комендантом села - это же сама безопасность.

Но такое сомнительное «сожителство» с фашистом было опасным для всей семьи. В любую минуту комендант мог догадаться, кто Евдокия на самом деле, и тогда всем, даже детям, не избежать расстрела. К счастью, все обошлось.

Однако работать на рации надо с предельной осторожностью. Евдокия долго ломала голову, как незаметно выставлять антенну?

Вместе с Франей, женой Марьяна, придумали. Антенну стали влетать в бельевую веревку, протянутую к комендантскому флигелю. А когда появлялся немец, на веревку срочно вывешивали для просушки его же постельное белье.

Самая большая радость для Евдокии была тогда, когда советские самолеты под покровом ночи сбрасывали подпольщикам батареи для рации, деньги, документы. Однажды в полночь она вместе с Марьяном Словачевским и Юзефом Петровским встречала в поле очередной самолет. Только разожгли сигнальные костры, как в небе послышался шум мотора. Удивились - как же он долетел так быстро? И вдруг самолет хлестнул по ним пулеметной очередью.

- Это немецкий, - крикнул Юзеф, - гаси костры!

Самолет улетел. А на смену ему вскоре появилось наш и сбросил ожидаемый груз. В нем было все. И главное - питание для рации.

Держать связь со своими радистами непростое дело. Неподдалеку от села стоял мощный немецкий пеленгатор. Евдокия о нем, конечно, знала, и старчилась, в эфире. В эти дни она не раз вспоминала слова наставников-радистов Евгения Мисроладзева и Владимира Феодосовича Великанова и Владимира Мисроладзева. Евдокия еще до этого донесения, но по улицам постоянно курсировал мощный пеленгатор и он в любую минуту мог обнаружить передатчик. Евдокия, заручившись согласием Татьяны и Павла Рыбалко, все же пошла на риск. Донесение полетело в Москву, а по городу началась облава.

Однако, как радистка ни береглась, ее позвонившие немцы все-таки засекли. И по селу прокатилась облава. Не миновала она и дом Словачевских. Все перевернули вверх дном каратели, но передатчик все же не нашли.

На другой день радистка снова вышла в эфир с разведанными о фашистских войсках, отходивших к Николаеву. В ответ получила указание идти вслед за ними.

Немцы отступали, Юзеф и беспорядочно. Может быть, потому и не заметили Поззак колонна, среди беженцев и Павлу Рыбалко, стройную девушку с вещмешком за плечами в сопровождении двух молодых мужчин. Это были Евдокия Щербак, Юзеф Петровский и Павел Рыбалко.

По дороге Юзеф каким-то образом отстал. Евдокия потом узнала: его схватили немцы, зверски пытали и расстреляли. Неподдалеку от места казни Юзеф незаметно кинул на дорогу обрывок бумаги, на котором кровью написал: «Юзеф Петровский. Погибаю честно, никого не предал.» Эта записка сейчас хранится в Николаевском краеведческом музее.

В Николаеве радистка Щербак поселилась в семье активного подпольщика Рыбалко. Столько лет прошло, а она и теперь вспоминает те дни с волнением. По ее разведанным в районе городского элеватора высадили морской десант. Для его поддержки необходимо было срочно передать в Москву еще одно донесение. Но по улицам постоянно курсировал мощный пеленгатор и он в любую минуту мог обнаружить передатчик. Евдокия, заручившись согласием Татьяны и Павла Рыбалко, все же пошла на риск. Донесение полетело в Москву, а по городу началась облава.

Особенно своего годовалого ребенка. Немцы ничего не нашли. Рацию же положила под печку, а лаз заложила кирпичами и замазала глиной. Рацию же положила под печку, а лаз заложила кирпичами и замазала глиной. Рацию же положила под печку, а лаз заложила кирпичами и замазала глиной.

В другой раз Татьяна закидала Евдокию соломой в кормушке, к которой была привязана корова, а рацию зарыла в навоз.

- Лежу в кормушке, вся напряглась, - вспоминает Евдокия Николаевна. - Вдруг слышу, в сарае зашли два жандарма. С ними Таня с ребенком на руках. Один из жандармов прогнусавил: «Если найдем рацию или радистку, тебя вместе с ребенком расстреляем на месте. Так что показывай, где они». «Ищите», - еле слышно проговорила Таня. И я почувствовала, как штык жандарма скользнул через солому буквально в сантиметре от моей головы. «Ну, - думаю, - вот и конец пришел. Лишь бы не закричать». Но пропело. Жандармы порыскали, поругались да и убрались. Мне потом многие говорили: мол, в сорочке родилась. Может, и так. Только что бы я делала без Татьяны?..

В конце марта сорок четвертого советские войска с боем взяли пылающий пожарами Николаев. Евдокия вернулась в свою часть.

До конца войны оставалось больше года. Потом была победа. К тому времени у Евдокии Николаевны Щербак было два ордена Отечественной войны, первой и второй степеней, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

В мирную жизнь она окуналась со всей страстью. Работала начальником отдела кадров Ногинской птицефабрики, была членом городского совета ветеранов. Она и сейчас, будучи на пенсии, с готовностью выступает перед школьниками. Рассказывает им о суровых военных буднях, о друзьях-товарищах, павших в годы Великой Отечественной войны.

Н. Глазьев.